Огонёк
№ 25-26 1944 год.

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

Ч Е Х О В

(К 40-летию со дня смерти)

М. Добрынин

Россия, родина, русский народ — вот задушевная дума и любовь Антона Павловича Чехова. Это та общая идея, которая связывала в одно целое его мысли, чувства, понятия... Герой чеховского рассказа «Скучная история» Николай Степанович, известный профессор, страдает оттого, что в его пристрастии к науке, в желании жить, в стремлении познать самого себя нет чего-то общего, что связывало бы всё это в одно целое. У Николая Степановича каждое чувство и каждая мысль живут особняком. Во всех его суждениях о науке, театре, литературе и во всех картинах, которые рисует его воображение, «даже самый искусный аналитик не найдёт того, что называется общей идеей или богом живого человека. А коли нет этого, то, значит, нет и ничего».

Трагедия Николая Степановича — явление типичное для русской жизни того времени. Это была страшная болезнь, её переживали многие, но Антон Павлович Чехов не страдал ею. У него была общая идея. Правда, её не все понимали, а некоторые и по сие время не понимают.

Чехов — глубоко русский писатель со всеми замечательными чертами, свойственными классической русской литературе, нашей славе, нашей национальной гордости. Напомним интересное и в высшей степени правильное суждение о Чехове Льва Николаевича Толстого. «...Вот вы,— он (Толстой) обратился к Чехову, — вы русский! Да, очень, очень русский». Это драгоценное свидетельство несравненного знатока России говорит об очень многом.

Оно говорит о том, что, как оригинальный большой писатель, подобно Пушкину, Толстому, Щедрину, Горькому, А. П. Чехов имеет свой взгляд на жизнь, на мир, свою манеру изображать русскую действительность. Манера эта очень своеобразна, проста и доступна каждому, но определить её очень трудно. Когда Антон Павлович начал печатать свои произведения, то очень многим казалось, что это талантливый писатель, но в высшей степени безразличный к горю и страданию людей, писатель без направления, без тенденций, писатель без связи со славной, героической традицией русской литературы.

Такой взгляд на художника укоренялся потому, что сам Антон Павлович не сразу понял, какая громадная сила была в его руках, не сразу осознал, что его прекрасный талант — не забавная и отчасти полезная игрушка, а величайшая драгоценность. Обладание этой драгоценностью требует ответственности перед собой, перед литературой, обществом, Россией...

Чехов быстро почувствовал эту ответственность и стал с честью выполнять роль продолжателя великолепных традиций русской классической литературы, стал ярким и своеобразным выразителем её героического гражданского пафоса. Его упрекали в отсутствии миросозерцания, а Максим Горький справедливо писал о нём: «У Чехова есть нечто больше, чем миросозерцание, — он овладел своим представлением жизни и таким образом стал выше её. Он освещает её скуку, её нелепости, её стремления, весь её хаос с высшей точки зрения. И хотя эта точка зрения неуловима, не поддаётся определению, — быть может потому, что высока, — но она всегда чувствовалась в его рассказах и всё ярче пробивается в них».

Высшая точка зрения Чехова действительно неуловима, но её ощущают все читатели. Она, как думает Горький, звучит в чеховской грусти, в упрёке людям за неумение жить, в его сострадании к людям, в его скорби, которая способна очеловечить всех, кого она коснётся. Чеховское представление жизни, его высшая точка зрения проистекают из его любви к России, родине, русскому человеку. Художник прекрасно понимал Россию во всём её своеобразии и многообразии и рисовал изумительные картины нашей жизни без прикрас, правдиво, никогда ничего не выдумывая от себя, не изображая того, чего на свете не бывает. Правдивые, реалистические произведения Чехова всегда раскрывают читателям, как хорошо хорошее, как дурно дурное. Они учат замечать хорошее в жизни, выдвигают его вперёд и заставляют подражать ему.

Одно прикосновение писателя даже к самым страшным людям в жизни очеловечивает их. В рассказе «Мужики» дана грустная картина русской деревни 80—90-х годов XIX века. Корыстолюбие и произвол чиновников и приказчиков, которые «наезжают в деревню только за тем, чтобы оскорбить, обобрать, напугать». Тяжёлый труд, жестокие зимы, скудные урожаи, пожары, недостатки и темнота, угнетение человеческой личности, безысходность деревенской жизни, и всё это окрашено той чеховской скорбью, которая обладает чудесным свойством очеловечивать всех, кого она коснётся.

«Да жить с ними было страшно, но всё же они — люди, они страдают и плачут, как люди, в жизни их нет ничего такого, чему нельзя было бы найти оправдание».

Мудрый писатель, как опытный врач, как замечательный инженер человеческих душ, Антон Павлович прекрасно видел все неустройства и недостатки русской жизни. И было бы грубейшей ошибкой думать, что он мирился с ними. Нет, он непримиримый враг мещанства, ограниченности, пошлости, обывательщины, рутины, сытого довольства...

Такие жемчужины русской поэзии, как «Дама с собачкой», «Ионыч», «Человек в футляре», «Крыжовник», «Архиерей», «Душечка», «Учитель словесности», «Степь», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Три сестры», «Вишнёвый сад» и т. д. и т. д., — изумительные образцы мудрости, глубокого понимания жизни, страстного проявления любви писателя к России, родине, русскому человеку, родной природе.

Грязное море мещанского существования, мелкие, хмурые, тяжёлые люди, слабовольные мечтатели, дерзкие хищники, безумная скука и безысходность, сытое самодовольство, торжествующая пошлость, и при всём этом чеховская вера в человека, в его светлые начала, в его будущее. «Моё святая-святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютная свобода, свобода от силы и лжи, в чём бы последние две ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был великим художником» А он и был великим художником, поэтому с каждым новым рассказом он «усиливал одну глубоко ценную и нужную для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни» (М. Горький).

Дело вовсе не в том, что в произведениях Чехова очень много высказываний, в которых видна его любовь к России, а в том, что дума о России — основная идея его жизни и творчества. Между ним и Россией существовала такая же глубокая связь, как та, которой мучился Гоголь: «Какая непостижимая, тайная сила влечёт к тебе?

Почему слышится и раздаётся немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовёт и рыдает и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу, и вьются около моего сердца? Русь, чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами?» — мучительно спрашивал Гоголь. Но разве не та же песня звучит в «Степи» Чехова, разве не похожие образы, чувства и мысли возникают у читателя, когда перед ним проходят изумительные чеховские картины?

От «Мёртвых душ» до «Вишнёвого сада» звенит эта песня, зовёт, рыдает, хватает за сердце. Когда умер Чехов и его песня оборвалась, вся Россия почувствовала большое горе. Ещё при жизни Антона Павловича М. Горький высказал такую мысль: «Когда умрёт Чехов — умрёт один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, праздный, — друг, любящий её, сострадающий ей во всём, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещённым грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пропитанным глубоким знанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который всё понимает».

Понять — значит простить, — говорят люди. Но, чтобы понимать, писателю надо иметь общую идею, ибо «коли нет этого, то, значит, нет и ничего». Эта общая идея — любовь и дума о России — спасла Чехова как писателя, дала ему силу не только с жестокой ясностью осветить сутолоку и закоулки современной ему жизни, всю её пошлость и скуку, в которой задыхаются маленькие люди, дала ему силу не только сказать им, как они скверно живут, но и призвать к преобразованию жизни, поверить в то, как хороша жизнь на земле, как богата Россия хорошими людьми, какое у неё блестящее будущее. Общая идея дала ему силу стать в один ряд с теми, кто восхищал его своей идейностью, благородным честолюбием, имеющим в основе честь родины, упорством, непобедимым никакими лишениями и искушениями личного счастья, богатством знаний и трудолюбием, стать в один ряд с теми, кого он называл людьми подвига.

А. П. Чехов.
С портрета художника И. Браза